

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).083

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-153-163>

Работа правоохранительных органов России по противодействию предполагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны

© В.В. Синиченко, Г.С. Токарева

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В годы Первой мировой войны руководство военной контрразведки России и жандармских отделений предполагало, что целью германской разведки будет организация диверсий на железнодорожных коммуникациях империи. Гипотетическое предположение привело к тому, что руководство правоохранительных органов Российской империи уделяло повышенное внимание охране железных дорог. Организация работы по охране железных дорог осуществлялась в двух направлениях. Во-первых, путем усиления численности охраны на путях следования, создания специальных подразделений по охране мостов и туннелей. Во-вторых, активизацией агентурной противодиверсионной работы. В этих условиях усиления роли агентурного аппарата региональные правоохранительные подразделения, демонстрируя свою бдительность и усердие, поставляли в столицу сфабрикованные доказательства активности противника в глубоком тылу. Используя донесения агентов, военная контрразведка приписала себе успехи в уничтожении монголами диверсионной группы Папенгейма, которая будто бы собиралась совершить диверсию на железных дорогах, а жандармские подразделения и, в первую очередь, жандармско-полицейское управление Китайской Восточной железной дороги под руководством полковника Н.А. Горгопы выявили, что американский консул в Китае Т. Мозер сформировал благотворительное общество для оказания помощи германским военнопленным. Используя метод провокации, жандармерии удалось доказать, что сотрудники благотворительной организации не только способствовали побегам военнопленных, но и собирали сведения о железнодорожных перевозках военных грузов. На основании агентурных сведений сообщалось, что представители общества завербовали группу русскоподданных кавказцев для осуществления подрыва взрывчатыми веществами Китайской Восточной железной дороги. Однако собрать неопровержимые улики и доказать подготовку диверсий на магистрали жандармам не удалось. Поэтому основные мероприятия жандармов в указанный период – это аресты и принудительная высылка на поселение во внутренние районы России лиц, заподозренных в антироссийской деятельности.

Ключевые слова: контрразведка, жандармерия, железная дорога, диверсии, шпионаж, агентура, мост, полиция, американский консул, Сибирская железная дорога

Информация о статье: Дата поступления 17 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 18 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Синиченко В.В., Токарева Г.С. Работа правоохранительных органов России по противодействию предполагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 153–163. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-153-163>

Work of law enforcement bodies of Russia to counter the suggested diversions on Transsib in the years of the First World War

© Vladimir V. Sinichenko, Galina S. Tokareva

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract: During the First World War, the leadership of the military counterintelligence of Russia and the gendarmerie departments suggested that the purpose of German intelligence would be the organization of sabotage on the railway communi-

tions of the empire. A hypothetical assumption led to the fact that the leadership of law enforcement bodies of the Russian Empire paid increased attention to the protection of railways. Organization of work on the protection of railways was carried out in two directions. Firstly, by increasing the number of guards along the routes, creating special units for the protection of bridges and tunnels. Secondly, the intensification of undercover anti-sabotage work. Under these conditions, the strengthening of the role of the undercover apparatus, regional law enforcement units, demonstrating their vigilance and zeal, supplied the capital with fabricated evidence of enemy activity in the rear. Using agent reports, the military counterintelligence attributed to itself successes in the destruction by the Mongols of the Papenheim sabotage group, which seemed to be about to commit sabotage on the railways. The gendarmerie units, and especially the gendarmerie-police department of the Chinese Eastern Railway under the leadership of colonel N.A. Gargops revealed that the American consul in China T. Moser had formed a charity to help German prisoners of war. Using the provocation method of the gendarmerie, it was possible to prove that the employees of the charitable organization not only facilitated the escape of prisoners of war, but also collected information on the railway transportation of military goods. On the basis of intelligence information, it was reported that representatives of the company recruited a group of Caucasians Russian-speaking to carry out explosives of the Chinese Eastern Railway. However, the gendarmes failed to collect irrefutable evidence and prove the preparation of sabotage on the highway. Therefore, the main activities of the gendarmes during this period are arrests and forced expulsion of people suspected of anti-Russian activity to a settlement in the internal regions of Russia.

Keywords: counterintelligence, gendarmerie, railway, sabotage, espionage, agents, bridge, police, American consul, Siberian railway

Article info: Received April 17, 2020; accepted for publication May 18, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Sinichenko V.V., Tokareva G.S. (2020) Work of law enforcement bodies of Russia to counter the suggested diversions on Transsib in the years of the First World War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 153–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-153-163>

Проблема охраны железных дорог России в годы Первой мировой войны – тема, ранее неоднократно затрагивавшаяся в отечественных исследованиях.

Прежде всего, мы можем отметить работы Н.В. Грекова – его монографию «Русская контрразведка в 1905–1917 годах – шпиономания и реальные проблемы» и статью «Разработка и реализация мер по охране железных дорог Сибири в 1914–1917 гг.». В этих трудах автор описал меры, которые принимали российские власти по усилению охраны железнодорожных магистралей в годы Первой мировой войны. Однако за пределами внимания Н.В. Грекова осталась негласная агентурная работа контрразведки и жандармских управлений, которая, собственно, и будет предметом исследования в настоящей работе (Греков, 2000; Греков, 2015).

В статьях А.В. Добровольского «Сибирская железная дорога в период мобилизации 1914 г.», В.Н. Меньщикова «Омская железная дорога в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)», В.В. Фортунатова «Патриотический трудовой подвиг российских железнодорожников в годы Первой мировой

войны», А.С. Сенина – «Железнодорожное хозяйство России в годы Первой мировой войны: к вопросу о «расстройстве транспорта» и «Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну» затрагивались общие вопросы охраны русских железных дорог в годы Первой мировой войны (Добровольский, 2014; Меньщиков, 2013; Фортунатов, 2014; Сенин, 2013; Сенин, 2009).

Весьма любопытна статья Н.П. Ананьевой «О роли китайской-восточной железной дороги в экспансионистских замыслах США в Маньчжурии в 1906–1917 гг.». Автор отметила интересную вещь, что США стремились устранить доминирующее влияние России в Северной Маньчжурии и взять КВЖД под свой контроль (Ананьева, 2011). Это суждение весьма любопытно в контексте анализа деятельности американских дипломатов в Китае в годы Первой мировой войны до вступления США и Китая в войну в 1917 г. на стороне Антанты (Ананьева, 2011).

Более подробно остановились на изучении темы С.С. Гостев, В.В. Мыцыков в статье «Жандармско-полицейский надзор на железных дорогах

России в начале XX в.» и А.В. Соколенко в работе «Роль Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти в обеспечении безопасности транспортных перевозок на Дальнем Востоке России в период Первой мировой войны (август 1914 – март 1917)». Авторы отмечают успешную деятельность жандармско-полицейских управлений, не допустивших диверсий на Сибирской магистрали в годы войны (Гостев, Мыцыков, 2009; Соколенко, 2016).

Статья Я.А. Шулатова «Борьба с Германским шпионажем на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны: российско-японское сотрудничество» содержит интересные сведения о том, что японская разведка в феврале 1915 г. установила в Дайрене слежку за Вильгельмом Муром, который будто бы создал группу агентов для диверсии на КВЖД. Затем неоднократно японская разведка снабжала российскую сведениями о германских агентах, будто бы готовивших диверсии на российских железных дорогах (Шулатов, 2014). О том, что японская разведка снабжала российскую во многом непроверенной информацией и даже сумела убедить российскую контрразведку арестовать корейского и пророссийского патриота П.С. Цоя (Чхве Джэхена) пишет и Д.Б. Павлов (Павлов, 2014. С. 45). Об этом же отмечает на страницах своей работы Ю.С. Пестушко в статье «Недолгий альянс: русско-японский договор 1916 г.» (Пестушко, 2007).

Много интересного по теме настоящей работы можно почерпнуть из статьи Д.В. Киселева «Подозрительные немцы: агенты и военнопленные центральных держав в Маньчжурии в годы Первой мировой войны». Автор пишет, что в октябре 1915 г. в Харбине были арестованы лица, обвиняемые в причастности к организации диверсий на КВЖД (Киселев, 2015. С. 123). Однако эта информация, хоть и сопровождается ссылкой на материал из фондов РГВИА, не раскрывает суть диверсионной деятельности противника на страницах указанной работы.

Кроме этого, автор упоминает о заявлении монголов Барги о том, что они уничтожили три диверсионных отряда германцев, которые пытались повредить западный участок КВЖД (Киселев, 2015. С. 124).

Первый они уничтожили зимой 1915 г. в степи, когда 11 немецких агентов пытались пройти к Хинганскому тоннелю, второй – в Барге, а третий – в конце 1916 г. в районе Халхи (Киселев, 2015. С. 126).

Первый, несомненно, был отряд Вернера фон Папенгейма, уничтоженный харинскими монголами Бабучжаба. Это известный эпизод Первой мировой войны, описанный в многочисленных работах. Однако фактов посылки второго и третьего отрядов не приводится даже самим автором статьи. Более того, описывая деятельность германской разведки в Китае в 1915–1917 гг., он считает, что она сосредоточилась на трех направлениях: содействие побегам военнопленных, распространение слухов о России среди китайского населения, сбор сведений о грузоперевозках России по КВЖД (Киселев, 2015. С. 125–138).

В статьях Т.В. Федоровой, А.В. Степанова «Контрразведывательная деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX в.» и О.М. Долидовича «Кадровый дефицит полиции в годы Первой мировой войны» отмечаются достижения полиции и жандармерии по выявлению шпионов на территории ответственности ИГЖУ, однако успехи в контрдиверсионной деятельности не описаны (Федорова, Степанов, 2017; Долидович, 2018).

Таким образом, тема работы негласных агентов российских правоохранительных служб по противодействию диверсионным мероприятиям противника в полосе железных дорог ждет еще серьезного исследования. В этом, как мы покажем ниже, нам помогут материалы из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

Отметим, что практически все, вышеупомянутые авторы, пишут о значительной роли Транссиба в снабжении воюющей России военным снаряжением. Действительно русские фронты к концу 1914 г. поглотили предвоенные запасы оружия и боеприпасов. Отечественная промышленность не в состоянии была удовлетворить нараставшие потребности армии. Поэтому правительство России разместило военные заказы за рубежом и стало

доставлять военное снаряжение из-за границы. В основном поставки военных грузов осуществлялись через слабо оборудованный Архангельский и невероятно далекий от фронтов Владивостокский порты (Трошина, 2008. С. 47).

Особенно много грузов по Сибири доставлялось в Европейскую Россию из Японии. Так, в 1915 году русская армия получила из страны восходящего солнца 481 тыс. винтовок, из числа которых на Владивосток пришлось почти 300 тыс. (Павлов, 2014. С. 12).

Таким образом, Транссибирская магистраль играла важную роль в снабжении фронта оружием и боеприпасами. Поэтому для германской разведки диверсии на сибирских дорогах были крайне желательной, хотя и трудновыполнимой задачей. Засылка диверсантов в Сибирь была также задачей далеко не из легких. Проще было действовать с территории Китая. Дело в том, что до строительства в 1916 г. Амурского участка железной дороги – линии Забайкальской и Уссурийской железных дорог соединялись проходившей по территории Китая Китайско-Восточной железной дорогой – КВЖД. Это постоянно тревожило русских военных (Иконникова, 1996. С. 91).

Стремление ведомств отличиться на поприще охраны Транссиба привело к тому, что представители жандармских управлений, также как и контрразведывательных отделов, любую агентурную информацию о мероприятиях германской разведки в зоне отчуждения железной дороги использовали для увеличения своей роли в системе правоохранительных органов. Каждое расследование «немецкого следа» и возможной диверсии сопровождалось требованием предоставления новых ресурсов – денег на оперативные расходы и увеличение штатов оперативных работников (Кирмель, 2001. С. 54).

Германская разведка, по мнению исследователя Н.В. Грекова, готовилась к проведению диверсий на территории России. Уже 4 августа 1914 г. начальник штаба Иркутского военного округа известил военного министра и все жандармские управления Сибири о том, что германцы направили из Китая диверсионные группы для разрушения

мостов и тоннелей на Сибирской и Забайкальской железных дорогах (Греков, 2015. С. 81).

Начальник Владивостокского контрразведывательного отделения ротмистр А.А. Немысский 8 января 1915 г. сообщал в спецдонесении, что им получены от агентуры в Гирине 22 декабря 1914 г. сведения «об организации германским подданным шаек хунхузов с целью порчу русской железной дороги, а также при посредстве особого химического вещества железнодорожных мостов около Лао-шагоу и Харбина» (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 50).

Начальник Жандармско-полицейского управления КВЖД – полковник Н.А. Горгопа от 14 января 1915 г. № 91 сообщал в штаб жандармского округа, «что по полученным им сведениям германскими консульскими агентами в Китае организованы группы китайцев с целью проведения диверсий в Маньчжурии, Уссурийском крае и Забайкальской области. Немцы будто бы планировали взрывы железнодорожных мостов». Всего, отмечала агентура Н.А. Горгопы, германским дипломатам удалось собрать группу диверсантов из 27 китайцев, получавших ежемесячное жалование от 70 до 80 долларов в месяц. 10 китайских агентов германского консульства получали деньги сдельно. Отряд диверсантов, по мнению источника, будто бы проходил обучение в Мукдене и снабжался немцами оружием и взрывчатыми снарядами, которые были доставлены из Тяньцзиня помощником местного германского консульства неким Шарфенбергом. Главным организатором китайских диверсантов, работавших на Германию, был китаец Шэнь Юньчен, бывший переводчик германского консульства в Мукдене (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 98).

Таким образом, в январе 1915 г. одновременно контрразведчики и жандармы объявили о том, что немцами созданы группы диверсантов из китайцев. Дальше между двумя ведомствами началось соревнование, кто первым схватит диверсантов.

Кроме того, по мнению военной разведки, внезапно исчезнувший из Пекина в январе 1915 года германский военный атташе Вернер фон Папенгейм возглавил диверсионную группу, тайно

отправившуюся в Северную Маньчжурию разрушать КВЖД. Группа Папегейма бесследно исчезла и по сообщениям агентов была уничтожена монголами, которые будто бы предъявили восемь трупов местным властям (Греков, 2015. С. 77–80).

В марте 1915 г. русская разведка перехватила письмо китайца Лю Цзыфына, в котором он предлагал неизвестному лицу открыть перевоз у железнодорожного моста. От неизвестного лица Лю Цзыфын требовал денег на подготовку диверсии по взрыву железнодорожного моста китайскими лодочниками (Греков, 2015. С. 81).

15 апреля 1915 г. в донесении за № 1517 военное контрразведывательное отделение во Владивостоке уведомлялось, что по полученным негласным сведениям в городе Харбине появились лица которые старались организовать из китайцев шайки для нанесения какого-нибудь вреда железнодорожной магистрали (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 395).

Старший адъютант военно-статистического отделения Штаба Приамурского военного округа тогда же в другом секретном отношении от 4 апреля 1915 г. за № 214 сообщил, что им получены сведения, что и в Мукдене создана китайская организация во главе с немцами. Задача этой организации устройство взрыва железной дороги. Для этого планировался подкуп русских служащих Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Китайские члены организации были внедрены в качестве служащих в фирму «Циндель и Морозов», обслуживающую Управление КВЖД. Кроме того, был завербован немцами некто Ван Люгань, который прекрасно говорил по-русски и проживал в качестве слуги у начальника эксплуатации участка КВЖД – Гинца» (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 395).

Так как оперативные справки разведчиков были циркулярно распространены в системе специальных служб, начальник жандармского полицейского управления КВЖД полковник Н.А. Горгопа, предполагая, что жандармы опаздывают и плохо выглядят в глазах политического руководства, находящегося в Петербурге, решительно потребовал от подчиненных задержать китайцев-диверсантов (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 398).

Китайцев-диверсантов, несмотря на агентурные сведения, не нашлось, то ли потому что их не было, или из-за того что в китайской среде не было квалифицированного агентурного аппарата. Поэтому мы можем предположить, что мнимые сведения, которые поставляли китайцы-агенты о существовании китайцев-диверсантов, работавших на Германию, были вызваны стремлением заработать деньги или опорочить по личным мотивам других китайцев. Но во время оперативно-розыскной работы под негласное наблюдение жандармов попал американский консул в Харбине Т. Мозер. По сообщениям агентуры, вокруг него сплотилась группа лиц, *«оказывавших содействие бегавшим из Сибири германским пленным»* (Качкин, 2013. С. 167).

Еще 18 декабря 1914 г. на станции Никольск-Уссурийский полицией был замечен иностранец следующих примет: лет 30, бритый, худощавый, пользовался карманной книжкой, он взял билет второго класса до Хабаровска. По агентурным сведениям, неизвестный иностранец вел конспиративный разговор с пленным австрийским доктором.

Иностранец оказался американцем Бюрром, представителем благотворительного общества в Китае, собирающим сведения о военнопленных.

21 декабря в донесении за № 7101 жандармы отмечали, что Бюрр 21 декабря из Хабаровска выехал во Владивосток, а оттуда взял билет в Харбин.

Наблюдение за Бюрром, продолженное в Китае, позволило установить, что в Китае было создано «Общество помощи германским и австрийским пленным в Сибири». Общество находилось под покровительством американского посла в Петрограде. Председательница общества – госпожа Ганнекен (Ханнекен), проживавшая в Тяньцзине, собирала деньги у меценатов в США. Официальная цель благотворительного общества была названа – оказание помощи военнопленным деньгами, припасами, теплыми вещами (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 114).

Впоследствии Елизавета Густавна Ханнекен 18 марта 1915 г. официально обратилась к российскому правительству с просьбой о допуске пред-

ставителей ее общества в лагеря для военнопленных.

В ответ на это по системе МВД России был разослан циркуляр в котором говорилось, что «...Ханнекен является агентом существующего в Китае на средства германского правительства «Общества оказания денежной помощи германским пленным в Сибири», которое под предлогом благотворительности входит в сношение с военнопленными через немцев и евреев, ведет широкую военную разведку, пользуется содействием умышленно сдающихся в плен избранных германских офицеров. Создано бюро для организации побегов военнопленных при посредстве харбинских и сибирских евреев. Их снабжают паспортами нейтральных держав. Ведется революционная пропаганда среди русского населения. Активно задействуются американские граждане и американский «Красный крест», через них финансируют революционеров, обещая им денежную помощь и поддержку военнопленных в случае мятежа. Для доставления революционных воззваний и установления нужных связей приняты на службу также и китайцы». Подписал этот Циркуляр Директор Департамента Полиции МВД России Брюн (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 403).

Глава российской дипломатической миссии в Пекине В. Крупенский 24 июня 1915 г. в донесении № 142 информировал военного губернатора Приморской области, что на основании имевшихся в Императорской миссии секретных сведений побег австрийских и германских военнопленных из Иркутского и Приамурского военных округов происходили при помощи некоторых русских подданных, организовавших проезд военнопленных по линии КВЖД.

Так, прибывший в Пекин в начале июня 1915 г. австрийский старший лейтенант Журек, бежавший из Благовещенска, сопровождался по восточной линии названной дороги и в Харбине неким русским подданным евреем, именующим себя Тогамлицким (он же Тогамильский), с которым названный австриец произвел окончательные денежные расчеты в Пекине 8 (21) июня, после чего Тогамлицкий перевел часть денег через Русско-

Азиатский банк в Харбин по адресу – Гавриилу Любимову, магазин Ескиных – 200 руб. Названный Тогамлицкий уехал 21-го июня из Пекина в Тяньцзинь. Секретный источник передавал, что организация провоза военнопленных существовала уже давно, и каждое содействие побегу оплачивалось суммой до 500 руб. (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 104).

Было установлено негласное наблюдение за евреями Тогамлицким и Любимовым посещающими русский Дальний Восток. После этого были произведены задержания лиц, которых они наняли для сопровождения бежавших из плена офицеров.

Телеграммой из Спасского лагеря в Хабаровск начальнику штаба округа донесением от 11 июля 1915 г. за № 2707 сообщалось, что «За содействие побегу военнопленным задержаны крестьяне Николай Корженков, Карп Белочук и Иван Ефременко которые по показанию крестьян Зеновской волости Панюта Глушан и Малец находились вместе с пленными в китайской фанзе 26 июня на китайской территории, где ночевали и завтракали». Подписал телеграмму подполковник Делимарский» (РГИА ДВ. Ф. 520. Оп. 1. Д. 199. Л. 117).

Тем временем из кабинета американского консула в Харбине Мозера агенты Н.А. Горгопа выкрали несколько фотографий железнодорожного полотна, предполагая, что это участки Транссиба, где будет произведена диверсия – взрывы железнодорожного полотна, хотя никаких убедительных доказательств этому не было предоставлено.

Тем не менее 8 сентября 1915 г. по настоянию российских властей, при проезде через Тяньцзинь был задержан некто русско-подданный Шмуль Вульфович. Он был препровожден для дознания в Харбин в распоряжение жандармско-полицейского управления КВЖД, где и дал показания, что члены благотворительной организации помогают бежать военнопленным в Китай. Отметим, однако, что причина, по которой нейтральные китайские власти пошли на сотрудничество с российскими заключалась в том, что, по мнению и сведениям агентов российских жандармов, Шмуль Вульфович с товарищами нанял двух кавказцев (один из них бандит Сандро Тцегарешвили) для подрыва же-

лезнодорожного полотна КВЖД (РГИА ДВ. Ф. 511сч. Оп. 2. Д. 49. Л. 280).

Подчеркнем, что сведения жандармов о диверсантах-кавказцах подтверждались агентурными данными военной разведки. Правда, организаторами планируемых диверсий здесь был назван не Т. Мозер, а некто Зибс. Так, 1-го сентября 1915 г. из Петрограда на имя начальника штаба Приамурского военного округа поступила информация, что находившийся в Китае германский подданный – Зибс организовал шайку кавказцев в Харбине с целью разрушения важных железнодорожных сооружений Забайкальской и Кругобайкальской дорог. Посредником между Зибсом и кавказцами являлся проживавший во Владивостоке некий еврей, который для связи выезжал в Китай и встречался с Зибсом по адресу: Шанхай, ул. Джонбродвэй, дом, 930 (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 49. Л. 185).

Несмотря на то, что лиц задержать со взрывчатыми веществами не удалось, 26 октября 1915 г. Иркутское губернское жандармское управление сообщило в столицу, что ими в Харбине раскрыта организация диверсантов. Установлена причастность германского консульства в Шанхае, американского консула в Харбине – Мозера, добыты указания о возможности взрыва мостов. Арестованы представители благотворительного общества в Харбине – городской врач Рожер Бенинскгаузен Будберг, еврейский раввин Арон Киселев, мящанин Гуттель Линский, мящанка Риса Гусак и содержатель аптеки – Леонард Томсон. Все они были привлечены к дознанию в качестве обвиняемых по 108 ст. Уголовного уложения 1903 г. Статья 108 Уголовного уложения включала в себя общее понятие «государственной измены» – способствование или благоприятствование неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях. За совершение этого преступления была предусмотрена каторга. Начальник жандармского управления просил выявить связи задержанных лиц с подозрительными элементами на территории всей Российской империи и о последующем сообщить (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 29. Л. 26).

После разгрома благотворительной организации лиц и привлечения к уголовной ответственно-

сти русско-подданных евреев, оказывающих ей содействие, российские жандармы и контрразведчики продолжили работу по выявлению потенциальных диверсий на железных дорогах России.

Дело в том, что тревожная информация о готовящихся взрывах железных дорог поступала в правительство и иные органы постоянно и, главное, из различных негласных агентурных источников (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 49. Л. 157–172).

Поэтому начальник Генерального Штаба телеграммой от 6 октября 1915 г. за № 32341 на имя Временно командующего войсками Приамурского военного округа сообщил, что германцы путем подкупа частных лиц и особенно железнодорожных служащих Сибирского пути готовятся устроить подрыв сооружений и мостов, дабы внести расстройство в перевозку воинских грузов (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 49. Л. 244).

Эту же информацию продублировал 11 октября 1915 г. Департамент Полиции в Иркутское губернское жандармское управление (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 29. Л. 25).

Однако результат оперативной работы по выявлению диверсантов был по сути дела плачевный. Агенты жандармерии, внедренные в коллективы работников железной дороги, смогли дать только следующий результат.

Надежда Хагемейер в октябре 1915 г. ездила к своей сестре в гор. Балаганск, куда муж последней как военнообязанный германской армии был выслан. Надежда Хагемейер, возвращаясь в обществе военнообязанных австро-германских подданных и находясь под их влиянием, несомненно, разделяла их взгляды и мысли, результатом чего было недовольство и озлобленность к России и русским, и что послужило мотивом для ее рассуждений.

Следуя обратно домой в поезде от Иркутска до станции Маньчжурии, в разговоре с пассажиркой Охоцкой на тему военных действий Германии с Россией Хагемейер восхваляла доблесть немцев и высказала: «...хорошо бы взорвать тоннель на КВЖД, через который поезд идет 15 минут, тогда бы русские остались бы без снарядов и германцы бы быстро взяли Петроград и Москву, за взрыв германцы ассигновали в виде премии один милли-

он рублей». Кроме того, гражданка Надежда Хагемейер говорила, что китайцам хватит и 50 000 рублей, чтобы решиться на диверсию (РГИА ДВ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 46. Л. 38).

После этого возникло дело о подготовке диверсии на линии Китайской Восточной Дороги группой лиц. За Надеждой Хагемейер было установлено наблюдение, агенты были направлены на беседы с лицами, с которыми вышеуказанная дама контактировала во Владивостоке.

В результате 3 ноября 1915 г. в донесении № 5376 получивший уже звание подполковника Немысский сообщал в штаб корпуса, что по полученным им негласным сведениям в урочище Новокиевском на участке Александра Степановича Тим проживал русско-подданный еврей Соломон Липшиц, содержатель портняжной мастерской, который имел обширное знакомство среди местных военных чинов как офицеров, так и нижних чинов – писарей 7 Сибирского стрелкового полка. По агентурным сведениям, из частных разговоров упомянутого Липшица, в Маньчжурии германцы успешно вербовали и вооружали большую шайку хунхузов будто бы для нападения на русскую территорию. В означенной вербовке якобы участвовал сам Липшиц. Липшиц неоднократно общался с братом Надежды Хагемейер – Сергеем Хагемейером и неким Коганом, разъезжающими ежегодно по Никольск-Уссурийскому уезду для проверки деятельности мелких агентов по продаже швейных машин компании «Зингер».

Далее подполковник Немысский сообщал: *«Справка из дела вверенного мне Отделения указала, что названные лица по установке:*

1) *Александр Степанович Тим, председатель бывшего корейского общества «Развитие труда» в урочище Новокиевском;*

2) *Коган Роберт Абрамович, мещанин города Никольск-Уссурийска, заведующий магазином «Зингер» на 1-й речке, проживает Северный переулок дом 21 у домовладельца Щербина;*

3) *Сергей Хагемейер, упоминается в секретном сношении моем на Ваше имя от 30 октября 1915 г. за № 5376 (об установлении наблюдения за пассажиркой Надеждой Хагемейер) и Соломон*

Липшиц, ранее по делам Отделения не проходил, устанавливается запросом Приставу Посыетского стана, ответ ожидается» (РГИА ДВ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 46. Л. 23).

У Сергея Хагемейера после этого сообщения был произведен обыск, во время которого был найден револьвер, ранее приобретенный Хагемейером в Маньчжурии с патронами к нему. Постановлением от 16 ноября 1915 г. жандармы сообщили об изъятии в г. Владивостоке револьвера системы «Браунинг» за № 241361 и двух обойм к нему и 25 патронов, хранившихся без надлежащего разрешения.

Интерес жандармов возник к Роберту Когану, во-первых, как к еврею, которые были под подозрением как потенциальные немецкие шпионы, во-вторых, как к заведующему магазином «Зингер». Это предприятие давно находилось под подозрением российских правоохранительных органов.

Дело в том, что начальнику Владивостокского охранного отделения 10 января 1915 г. ротмистром Гинсбургом было доложено о ходе обыска во Владивостокском филиале конторы «Зингер и К°», что была обнаружена переписка на немецком языке. После ее прочтения военный цензор возбудил уголовное дело о передаче через означенную контору не только писем, но и денег военнопленным.

Антироссийская деятельность конторы «Зингер и К°» подтверждалась письмом австрийского лейтенанта Макса Клейна, получившего в конторе 200 руб. за счет внесенных его родственниками денег в отделения «Зингер и К°» в Германии (РГИА ДВ. Ф. 511 сч. Оп. 2. Д. 51. Л. 116).

В отобранном у руководства «Зингер и К°» объяснении говорилось, что военнопленный Макс Клейн фабрикант обуви в Вене, будучи выпущенным из лагеря в городе Никольск-Уссурийском, намеревался поставить о своей судьбе в известность родных в Вене и не имея знакомств, как покупатель обратился через отделение фирмы и Роберта Когана. Тот из Владивостока отправил письмо в Стокгольм. Отделение «Зингер и К°» в Стокгольме связалось с родственниками Клейна в Австрии и получило ответ, который и передало обратно через Стокгольм» (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51.

Л. 121). Таким образом, руководство «Зингер и К^о» подтвердило свою деятельность по нарушению военных положений о цензуре, но отрицало свою причастность к шпионажу и тем более участию своих сотрудников в каких-либо диверсиях. Тем не менее за Робертом Абрамовичем Коганом после этого случая присматривали как за потенциальным резидентом германской разведки в Приморье.

Впоследствии следствие установило, что шпионами вышеуказанные лица не были, они представляли собой тип обычных болтунов, придумывавших те или иные события, чтобы поднять собственную значимость в глазах окружающих. Тем не менее правоохранительная машина начала работать и оставить дело без результата жандармы уже не могли.

Поскольку Надежда Хагемейер на словах угрожала безопасности железнодорожного сообщения жандармы посчитали, что ее дальнейшее пребывание в пределах Приамурского генерал-губернаторства «как лица вредного, является нежелательным». Поэтому несмотря на то, что данных о шпионской деятельности Хагемейер не было собрано, ее решили на основании п. 17 ст. 19 Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении, выслать из Владивостока в Балаганский уезд Иркутской губернии под надзор полиции (РГИА ДВ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 46. Л. 59).

Как мы видим, арестовывали лиц, не злоумышляющих о диверсии, а рассуждающих о ее возможности.

15 декабря 1915 г. министр внутренних дел А.Н. Хвостов официальным письмом предупредил Министра путей сообщения А.Ф. Трепова о том, что немцы собираются взорвать четыре железнодорожных моста России и что фотографические снимки объектов диверсий ему вскоре будут доставле-

ны. Вероятно, министр имел в виду те самые снимки, что были похищены у американского консула. Для предотвращения диверсий у подходов к мостам и под береговыми пролетами выставлялись, по его распоряжению, суточные и ночные посты. На реках появились катера и моторные лодки для осмотра мостов и противодиверсионной работы. Был введен обязательный осмотр жандармами поездов перед их проходом по крупным мостам (Греков, 2015. С. 81). Однако диверсий на железнодорожных путях до конца войны не случилось. Диверсионных групп не было выявлено (РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 2. Д. 51. Л. 409–410).

Итак, за время войны в рамках правоохранительных структур сформировался особый стиль активизации шпиономании. Центр слал директивы и циркуляры об охране железных дорог. А контрразведывательные отделы, продемонстрировав свою бдительность и усердие, поставляли в Главное управление Генерального Штаба агентурные сообщения об активности противника в полосе железных дорог. Реальных фактов диверсий в полосе железных дорог ни контрразведывательными отделами (КРО), ни жандармерией не было выявлено, арестов групп диверсантов со взрывчаткой не зафиксировано. Тем не менее в рамках оперативной работы жандармско-полицейским управлением КВЖД была разгромлена благотворительная организация, в создании которой принял участие американский консул Т. Мозер для помощи военнопленным в России. Были зафиксированы факты организации благотворителями побегов военнопленных из России в Китай. Лиц, сотрудничавших с этой организацией, обвинили в подготовке диверсий на КВЖД, арестовали и по согласию китайских властей выслали из Китая в Россию.

Библиографический список

Ананьева Н.П. О роли китайской-восточной железной дороги в экспансионистских замыслах США в Маньчжурии в 1906–1917 гг. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 4 (33). С. 46–56.

Гостев С.С., Мыцыков В.В. Жандармско-полицейский надзор на железных дорогах России в на-

References

Ananeva N.P. (2011) On the Role of the Chinese-Eastern Railway in the Expansionist Plans of the United States in Manchuria in 1906–1917. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina* = The Journal of Ryazan State University named after S.A. Esenin. No. 4 (33). P. 46–56. (In Russ.)

Gostev S.S., Mytsykov V.V. (2009) Gendarme-police supervision on the railways of Russia at the beginning of XX

чале XX в. // Берегиня. 777. Сова. 2009. № 1(1). С. 9–14.

Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 годах – шпиономания и реальные проблемы. М.: Московский общественный научный фонд (МОНФ), 2000. 209 с.

Греков Н.В. Разработка и реализация мер по охране железных дорог Сибири в 1914–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. № 4 (17) 2015. С. 76–85.

Добровольский А.В. Сибирская железная дорога в период мобилизации 1914 г. // Глобальные вопросы в региональном измерении: опыт истории и современность: материалы международного научного конгресса «Интерэкспо Гео-Сибирь». Новосибирск, 2014. Т. 1. С. 16–20.

Долидович О.М. Кадровый дефицит полиции в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 4. С. 173–182.

Иконникова Т.Я. Иностранная разведка в Приамурском крае в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. 1996. Т. 1. С. 88–100.

Качкин А.Н. Борьба со шпионажем на Дальнем Востоке: Хабаровское контрразведывательное отделение и его руководители (1911–1917 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 167–174.

Киселев Д.В. Подозрительные немцы: агенты и военнопленные центральных держав в Маньчжурии в годы Первой мировой войны // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 121–138.

Кирмель Н.С. «...японские прачки и парикмахеры открыли... много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности» // Военно-исторический журнал. 2001. № 3. С. 54–59.

Меньщиков В.Н. Омская железная дорога в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). С. 21–24.

Павлов Д.Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 261 с.

Пестушко Ю.С. Недолгий альянс: русско-японский договор 1916 г. // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 92–106.

Сенин А.С. Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С. 19–25.

Сенин А.С. Железнодорожное хозяйство России в годы Первой мировой войны: к вопросу о «расстройстве

century. *Bereginya. 777. Sova = Berginya. 777. Sova. No. 1(1). P. 9–14. (In Russ.)*

Grekov N.V. (2000) Russian counterintelligence in 1905–1917 – spy mania and real problems. Moscow: Moscow Public Science Foundation (MPSF). 209 p. (In Russ.)

Grekov N.V. (2015) Development and implementation of measures to protect the railways of Siberia in 1914–1917. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. No. 4 (17). P. 76–85. (In Russ.)*

Dobrovolskii A.V. (2014) The Siberian Railway during the mobilization period of 1914. *Global'nye voprosy v regional'nom izmerenii: opyt istorii i sovremennost': materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa «Interekhspo Geo-Sibir'» = Global issues in the regional dimension: the experience of history and modernity: Proceedings of the International Scientific Congress “Interexpo Geo-Siberia”. Novosibirsk. Vol. 1. P. 16–20. (In Russ.)*

Dolidovich O.M. (2018) Personnel shortage of police during the First World War. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory. Vol. 14. No. 4. P. 173–182. (In Russ.)*

Ikonnikova T.Ya. (1996) Foreign intelligence in the Primur region during the First World War. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka = News of the Russian State Historical Archive of the Far East. Vol. 1. P. 88–100. (In Russ.)*

Kachkin A.N. (2013) Fight against espionage in the Far East: Khabarovsk Counter-Intelligence Department and its Leaders (1911–1917). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = The Humanities And Social Studies in the Far East. No. 3. P. 167–174. (In Russ.)*

Kiselev D.V. (2015) Suspicious Germans: agents and prisoners of war of central powers in Manchuria during the First World War. *Rossiya i ATR = Russia and APR. No. 2. P. 121–138. (In Russ.)*

Kirmel' N.S. (2001) “Japanese pranks and hairdressers opened... Many shops for the purpose of conspiracy espionage activities”. *Voенно-istoricheskii zhurnal = Military History Journal. No. 3. P. 54–59. (In Russ.)*

Men'shchikov V.N. (2013) Omsk Railway during the First World War (1914–1917). *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Gazette. No. 3 (119). P. 21–24. (In Russ.)*

Pavlov D.B. (2014) Russian-Japanese relations during World War I. Moscow: Politicheskaya Enciklopediya. 261 p. (In Russ.)

Pestushko Yu.S. (2007) Short Alliance: Russian-Japanese Treaty 1916. *Rossiya i ATR = Russia and APR. No. 1. P. 92–106. (In Russ.)*

Senin A.S., General S.A. (2013) Ronzhin and his essay on Russian railways in World War I *Novyi istoricheskii vestnik = New Historical Gazette. No. 38. P. 19–25. (In Russ.)*

Senin A.S. (2009) Railway economy of Russia during the First World War: to the issue of “transport disorder”.

транспорта // Труды по россиеведению. 2009. Вып. 1. С. 237–269.

Соколенко А.В. Роль Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондatti в обеспечении безопасности транспортных перевозок на Дальнем Востоке России в период Первой мировой войны (август 1914 – март 1917) // Известия Иркутского государственного университета. История. 2016. Т. 15. С. 78–87.

Трошина Т.И. Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск. 2008. 169 с.

Федорова Т.В., Степанов А.В. Контрразведывательная деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 134–144.

Фортунатов В.В. Патриотический трудовой подвиг российских железнодорожников в годы Первой мировой войны // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 86–92.

Шулатов Я.А. Борьба с Германским шпионажем на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны: российско-японское сотрудничество // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 33–51.

Критерии авторства

В.В. Синиченко и Г.С. Токарева выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Синиченко Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин, полковник полиции,

Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия, ✉ e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Токарева Галина Сергеевна, преподаватель кафедры общеправовой подготовки, майор полиции,

Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия, ✉ e-mail: khb.jasmine@mail.ru

Trudy po rossievedeniyu = Works on Russian science. Iss. 1. P. 237–269. (In Russ.)

Sokolenko A.V. (2016) The role of Priamursky Governor-General N.L. Gondatti in ensuring the safety of transport in the Far East of Russia during the First World War (August 1914 – March 1917). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = News of the Irkutsk State University. History. Vol. 15. P. 78–87. (In Russ.)

Troshina T.I. (2008) The Great War... The forgotten war... Arkhangelsk during World War I (1914–1918). Arkhangel'sk. 169 p. (In Russ.)

Fedorova T.V., Stepanov A.V. (2017) Counter-intelligence activity of the special department of the Irkutsk Provincial Gendarmerie Administration in the second half of the XIX – the beginning of the XX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of Ancient Technology Laboratory. Vol. 13. No. 4. P. 134–144. (In Russ.)

Fortunatov V.V. (2014) Patriotic work performance of Russian railway workers during the First World War. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = World of Science, Culture, Education. No. 6 (49). P. 86–92. (In Russ.)

Shulатов Ya.A. (2014) Fighting German espionage in the Far East during World War I: Russian-Japanese Cooperation. *Rossiya i ATR* = Russia and APR. No. 2. P. 33–51. (In Russ.)

Attribution criteria

V.V. Sinichenko and G.S. Tokarev completed the research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, have copyrights to the article and are fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Vladimir V. Sinichenko, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines, Police Colonel,

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia, ✉ e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Galina S. Tokareva, Lecturer at the Department of General Legal Training, Police Major,

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov street, Irkutsk, 664074, Russia, ✉ e-mail: khb.jasmine@mail.ru